

«утолщение кожи от частого трения, давления» отражается способ возникновения изменений на поверхности, в то время как в дефинициях его немецких коррелятов (*die Schwieler* – «durch Druck verdickte und verhärtete Stelle **in der Haut**» ‘мозоль – «вызванное давлением утолщенное и затвердевшее место на коже»’; *das Hühnerauge* – «kegelförmige Verdickung an den Füßen, besonders auf der Oberseite der Zehen» ‘мозоль на ноге – «шаровидное утолщение на стопах, особенно на верхней стороне пальцев»’) отмечается как способ возникновения изменений на поверхности, так и место образования этих изменений. Сходная ситуация наблюдается на примере существительного *трещина*. В дефиниции данного субстантива представлена информация о способе возникновения изменений на поверхности (*трещина* – «место разрыва на поверхности **чего-либо расколовшегося, лопнувшего**»). В толкованиях немецких коррелятов данного существительного, а именно: *der Riss* ‘трещина во льду’, *der Kluft* ‘трещина в горной породе’, *die Infraktion* ‘трещина в кости’, также содержится информация об объекте, на котором образуются соответствующие изменения.

Анализ языкового материала показал, что коррелятивные отношения между немецкими и русскими предметно-признаковыми существительными оказываются более сложными, чем простое соответствие одного существительного в русском языке нескольким в немецком. Отмечаются случаи, когда на одно существительное в русском языке приходится несколько переводных эквивалентов в немецком. Например, для существительного *царапина* указываются следующие переводные эквиваленты: *der Kratzer*, *die Kratzwunde*, *der Ritz*, *die Ritze*. Для субстантива *щель* в словаре зафиксированы корреляты: *der Riß*, *der Ritz*, *die Ritze*, *der Schlitz*. Из примеров видно, что данные существительные имеют два общих переводных эквивалента: *der Ritz*, *die Ritze*.

Наблюдается и обратная ситуация, когда на одно существительное в немецком языке в словаре зафиксированы три переводных эквивалента. Например, существительное *die Furche* имеет в русском языке три коррелята: *борозда* (в поле), *морщина* (на лице, лбу), *извилина* (в коре головного мозга).

Таким образом, коррелятивные отношения между предметно-признаковыми именами существительными в немецком и русском языках оказываются весьма сложными и неоднозначными. Причины неоднозначности заключаются как в своеобразии членения пространства посредством предметно-признаковых имен существительных, так и в различиях в семантической структуре.

А. А. Щербакова (МГЛУ, Минск, Беларусь)

ВАРИАТИВНОСТЬ В ТЕРМИНОСИСТЕМАХ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Несмотря на то что вариативность как фундаментальное свойство языковой системы подробно изучена современной лингвистикой, динамика языковых процессов открывает все новые исследовательские возможности для изучения вариативности в различных подсистемах языка, в том числе в области терминологии.

Можно предположить, что вариативность и ее виды имеют различный «удельный вес» в терминологических системах, относящихся к принципиально разным сферам предметной деятельности человека. Для проверки этой гипотезы мы обратились к трем различным терминосистемам современного английского языка, а именно архитектурной, биологической и лингвистической терминологии. Источниками материала послужили отраслевые словари «Oxford Dictionary of Architecture», «Oxford Dictionary of Biology», «The Concise Oxford Dictionary of Linguistics».

Проведенный анализ показал, что в архитектурной терминосистеме наиболее широко и разнообразно представлена орфографическая вариативность (всего 184 вариативных ряда (далее ВР) или 40 % от всех типов вариативности в архитектурной терминосистеме). Данный тип вариативности, как правило, связан либо с добавлением / опущением графем: *ratch(e)ment*, *aedicula – edicula*, *veranda(h)*, либо с чередованиями: *bolection – bolexion*, *tabia – tapia*. Интересно отметить, что в архитектурной терминосистеме встречаются терминологические ряды, насчитывающие 3–5 орфографических модификаций одного и того же термина: *madrassa – madrassa – madrassah – medresseh*, *tallet – tallot – tallus – tallut – talus – talut*, *bretess – bretesse – bretex – bretise – Brettisse – Brettys* и др. Кроме того, терминосистеме архитектуры свойственны лексическая вариативность (171 ВР, или 37,5 %): *mourner – weeper*, *bell-tower – campanile*, *dentilation – tothing*, *flying buttress – arc-boutant*; а также словообразовательная вариативность (101 ВР, или 22,5 %), представленная как варьированием морфем, так и аббревиацией: *escarp – scarpment*, *fishpond – fishpool*, *rubbed – rubber*, *SLOAP (Space Left Over After Planning)*, *UEC (Urban Entertainment Center)*.

В отличие от терминосистемы архитектуры в терминосистеме биологии доминирует словообразовательная вариативность (392 ВР, или 50 %). Большая часть словообразовательных вариантов (320 ВР, или 81 % от всех словообразовательных вариантов в терминосистеме биологии) приходится на разнотипные аббревиатуры: а) аббревиатуры инициального типа: *VIP (vasoactive intestinal peptide)*; б) аббревиатуры, состоящие из начальной части слова и целого слова: *adrenergic receptor – adrenoceptor*, *biological diversity – biodiversity*; в) аббревиатуры-сокращения сложных слов: *PHA (phytohaemagglutinin)*, *RIA (radioimmunoassay)* и др. Кроме того, для терминосистемы биологии характерна лексическая вариативность (367 ВР, или 47 %): *ageing – senescence*, *alien – exotic*, *whalebone – baleen*, *deglutition – swallowing*, *dermis – corium*, *windpipe – trachea*. В отличие от архитектурной терминосистемы, в данной терминосистеме малосущественна орфографическая вариативность (22 ВР, или 3 %), обусловленная, как правило, различной транслитерацией латинских заимствований: *fetus – foetus*.

В лингвистической терминосистеме, как и в терминосистеме биологии, преобладает словообразовательная вариативность (181 ВР, или 69,5 %), проявляющаяся в разнотипной аббревиации: *ASL – American Sign Language – Ameslan*, а также в многочисленных случаях усечения терминов: *Adj – adjective*, *Aux – auxiliary*, *Inf – infinitive* (малохарактерного для двух описанных выше терминосистем). Среди аффиксальных вариантов особо выделя-

ется тематическая группа названий языков / языковых семей, преимущественно экзотических: *Arawak(an)*, *Shoshone(an)*, *Chinook(an)*, *Tucano(an)*, *Tupi(an)*, *Carib (Cariban)*, *Quechua (Quechuan)*. В меньшей степени терминосистеме лингвистики свойственна лексическая (68 ВР, или 26 %) и орфографическая (12 ВР, или 4,5 %) типы вариативности.

Таким образом, можно утверждать, что вариативность в терминосистемах архитектуры, биологии и лингвистики существенно различается с точки зрения конфигурации различных типов и подтипов вариативности (ср. преобладание орфографических вариантов в архитектурной терминологии и словообразовательных в биологической и лингвистической). На наш взгляд, эти различия обусловлены целым рядом факторов, наиболее существенными среди которых являются, по-видимому, специфика именуемых объектов и история формирования терминосистемы.

И. А. Щирова (РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия)

ИНВАРИАНТНЫЕ СВОЙСТВА И ВАРИАНТЫ РЕАЛИЗАЦИИ МОДЕЛИ «ВНУТРЕННЕГО ЧЕЛОВЕКА» В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ XX ВЕКА

В процессе познания мира человеком особую роль играют дихотомии субъективного и объективного, опыта и реальности, внутреннего и внешнего. Чем бы ни занималась литература, она моделирует человека в многообразных аспектах его сущности и бытия. В текстах англоязычной психологической прозы XX в. предметом изображения выступает «внутренний человек». Их жанровая специфика традиционно описывается литературоведами посредством тесно связанных между собой понятий психологизации и психологизма. Если психологизация относится к уровню глубинной семантики (авторской интенции) и подразумевает стремление к полному и глубокому описанию чувств и мыслей, то психологизм является художественным свойством (качеством) и связывается с глубоким и детальным изображением внутреннего мира, психических и душевных переживаний (Б. А. Есин). Рассматривая психологический текст с позиций лингвистики, оправданно видеть в нем смысловую категорию, определяющую специфику семантико-структурных свойств текста, его функциональную направленность и языко-вые особенности.

Элементы внутриличностного ряда выдвигаются в психологическом тексте XX в. на передний план, формируя прагматические фокусы в его структуре, в то время как элементы событийного ряда образуют их фон. При этом элементы и внутриличностного, и внешнесобытийного рядов функционально направлены на изображение внутренних, а не внешних форм «Я». Они включаются в модель «внутреннего человека», ослабляют событийность текста. Психологизм не носит объяснительного характера. Оценочное мнение автора перемещается в глубокий подтекст, что, наряду с прямым или косвенным показом «внутреннего человека», создает у читателя иллюзию авторского отсутствия. Дистанция между читателем и персонажем «сокращается», интимизируя повествование, в котором Другой (персонаж) становится для читателя полноценным носителем сознания.